

жизнь в интригах, в стремлении достичь высших постов в административном аппарате, занятая только собственным благополучием и готовая оклеветать любого действительного или предполагаемого соперника.

Исполнены горечи и безнадежности слова Касии, обращенные к себе самой и связанные с ее собственной судьбой:

Когда невежда умствует — о боже мой,
Куда глядеть? Куда бежать? Как вынести?
Так дай же мне, о боже правый, бедствовать
С мужами просвещенными и мудрыми;
Все лучше, чем довольство посреди глушцов!
Доверься в дружбе другу дружелюбному,
Но берегись невежду выбирать в друзья¹.

Самостоятельность далекой от религиозной ортодоксии позиции Касии резко отличалась от традиционной проповеди смирения и покорности православных пастырей при обращении к женщинам. Касия нетерпима к порокам. Внешне следуя этико-религиозной концепции Иоанна Дамаскина, Касия шла дальше него в защите свободы выбора человека между добром и злом.

Остроумно и не без лукавства полемизировала она со взглядами святош на женскую привлекательность:

Хоть женщина красивая, — конечно зло,
Но все же в красоте немало радости;
Но если и пригожесть у нее отнять, —
Двойное зло: и радоваться не на что!²

Далеким от требования ортодоксальной христианской морали было ее звучавшее афоризмом гномическое одностишие:

Любить должны мы всех, но верить — избранным³.

Ее стихи свидетельствовали о том, что живая мысль не погребена под догматизированной религиозно-этической системой православия. Исполненные глубокого сознания собственного, личного достоинства стихи Касии были редким исключением из сложившейся традиции.

¹ Памятники византийской литературы IV-IX веков. С. 319.

² Там же. С. 319.

³ Там же. С. 319.